

М. В. Бибиков

Институт всеобщей истории, г. Москва, Россия

РАННЕВИЗАНТИЙСКИЙ СЮЖЕТ В БЕЛЛЕТРИСТИКЕ XX В.

Аннотация: В статье сопоставляются образы главных героев, принципы писательского подхода к ним, философские и историко-теоретические идеи, связанные с ними, – в романах и драмах конца XIX – начала XX вв. Сопоставляются произведения Д. С. Мережковского, В. Я. Брюсова, Г. Ибсена и Ж. Бюна-Мешена. Многообразие подходов к образу императора Юлиана Отступника предопределено сложностью и противоречивостью как исторического героя, так и самого времени действия – переходного – от язычества – к христианству, от Римской империи – к Византийской, от Античности – к раннесредневековым истокам.

Ключевые слова: Ранневизантийский период, Юлиан Отступник, исторический роман, драматургия, переходная эпоха

Поступила в редакцию 31.08.2019

Принята к печати 11.11.2019

Обращение к византийской тематике в мировой, в т. ч. и русской, литературе нового и новейшего времени – явление знаковое. На рубеже XIX–XX вв. – в эпоху кардинальных перемен в истории мировой цивилизации, шедшей навстречу «железному новому веку», образ византийского императора, вступившего в безумную игру с Историей, стал центральным в произведениях разных авторов – писателей и драматургов, поэтов и прозаиков, как в России, так и за рубежом. Правда, в России византийская тема стала лейтмотивом общественно-литературной полемики еще с 60-х гг. XIX в., когда отношение к Византии и ее духовному наследию являлось вектором противостояния славянофилов и западников. Но ближе к рубежу веков византийская проблематика появляется в несколько неожиданном, на первый взгляд, литературно-историческом контексте. К ней обращаются уже не только публицисты, но и популярные беллетристы, причем, авторы, известные не столько своими историческими романами в прозе, сколько знаменитые поэты – лидеры новейших течений лирики («серебряного века», как назовут эту эпоху историки русской литературы. Показательным в данной связи является то обстоятельство, что

на определенном жизненном этапе для этих поэтов, одного за другим, оказывается важным обратиться к Истории, и эта потребность заставляет их прибегнуть к нетрадиционной для них литературной форме. Дети переходной эпохи, они в древней истории черпали материал для сравнений и аналогий с переживаемым ими временем.

Первым в этом ряду в России был выдающийся поэт, создатель и теоретик символизма в искусстве и литературе, сочинитель нового манифеста символистов Дмитрий Сергеевич Мережковский (1865–1941). Однако в мире он стал не менее знаменит и как автор исторической прозы: только во Франции его роман «Юлиан Отступник» был издан за первое десятилетие 23 раза! Сам роман был закончен к 1894 г., однако его первые публикации никак нельзя было считать удовлетворительными: пиратское журнальное издание 1895 г. изобиловало лакунами и поэтому многочисленными несообразностями в изложении. Только в начале XX в. появился качественно изданный текст¹.

К моменту создания романа Д. С. Мережковский прославился как автор стихотворного сборника «Символы» (1892), литературный теоретик и лидер символистов, как один из создателей религиозно-философского общества, собиравшегося регулярно в 1901–1903 гг., а также позже в 1907–1917 гг. при участии его жены и известной поэтессы З. Н. Гиппиус. Эти собрания представлялись тогда своего рода ячейкой «нового христианства», идеей которого должно было стать соединение символизма с познанием Бога.

«Юлиан» стал первым романом в появившейся в начале XX в. серии публикаций, составившей трилогию, каждая часть которой посвящалась какому-нибудь переломному моменту истории. Вся трилогия была озаглавлена «Христос и антихрист», а ее первая часть, посвященная Юлиану Отступнику, получила еще одно заглавие – «Смерть богов». Второй частью («Воскресшие боги») стал «Леонардо да Винчи» (1902), наконец, третьей – «Антихрист» – роман «Петр и Алексей» (1905), посвященный уже целиком событиям русской истории. Эта трилогия в литературном наследии Д. С. Мережковского не стала единственной: серию «Царство зверя» составят произведения «Павел I», «Александр I» и «14 декабря», будут написаны исторические книги «Рождение богов (Тутанкамон на Крите)» (1925), «Мессия» (1927), «Иисус Неизвестный» (1932) и др.

Дихотомичность мировосприятия поэта-историка воплотилась в отраженной им в романе трагической необходимости выбора между христианством (даже без связи с определенной конфессией) и общече-

¹ Мережковский Д. С. Смерть богов (Юлиан Отступник) // Собр. Соч. М., 1990. Т. 1. С. 27–306.

ловческой культурой, – таковой автору представлялась альтернатива. Каждый из романов трилогии «Христос и антихрист» обращен к тому историческому моменту, когда героям приходилось делать выбор между старым и новым – в религии, государственном устройстве, культуре в целом. Подобно тому, как в душе лирика, обратившегося к истории, оказалось возможным соединение таких устремлений, как христианство и общечеловеческие категории, так и в повествовании «Юлиана» действующие лица клянутся и Моисеем, и Христом, и Гераклом; один и тот же священный источник может одновременно прославляться как Источник Диоскуров и Источник Косьмы и Дамиана. У самого молодого Юлиана два учителя – язычник Мардоний и христианский монах Евтропий. Членами одной и той же семьи могут являться сестры, исповедующие разные веры.

Противопоставлением христианской и языческой культур пропитана практически каждая сцена романа Д. С. Мережковского. Следующие один за другим эпизоды как бы представляют свои аргументы в споре старой и новой религии. Сам Юлиан воплощает в своих раздумьях колебания и сомнения эпохи. Сухой и мертвой представляется Юлиану метафизика школы неоплатоника Порфирия, а учение Ямвлиха – книжной схоластикой; также карикатурным выглядит и изображение софистов и столь же ироничным – описание Миланского Собора в восприятии героев. Сам Христос в романе имеет два облика: Он – грозный повелитель, Он и добрый пастырь. Путь идей Юлиана Отступника у Д. С. Мережковского – от резкого неприятия Христа и страха перед ним к словам финала романа: «Ты победил, Галилеянин!», и к признанию героя: «Как я любил Тебя, Пастырь Добрый, Тебя одного...» – путь от язычества к христианству тем самым становится дорогой от ненависти к любви.

Таким образом, вместо проблемы выбора между традиционной и новой верой автор выдвигает на первый план проблему синтеза культур. В словах, обращенных в романе к Юлиану с призывом соединить истину Титана с истиной Галилеянина с тем, чтобы стать величайшим из всех, рожденных женщиной, словно заключается кредо подобного синтеза. Но этот синтез возможен лишь в душе художника, писателя. В истории же чаще господствуют антиномии.

После публикации романа Д. С. Мережковский подвергся не слишком уничижительной, но все-таки определенной критике в отношении погрешностей и несоответствий в области историзма со стороны чуть более младшего современника, тоже выдающегося поэта «серебряного века» Валерия Яковлевича Брюсова (1873–1924), который был также не менее известным романистом, публицистом и теоретиком литературы.

В творчестве самого В. Я. Брюсова историческая тема прочно заняла одно из ведущих мест, причем, в разных жанрах, начиная с 1910-х гг. Он пишет рассказ «Rhea Silvia», создает книгу новелл «Aurea Roma» («Золотой Рим»), готовит новый перевод «Энеиды» Вергилия, занимается римской лирикой, приступает к истории римской литературы, создает цикл лекций «Рим и мир» («Падение Римской империи»), обращается, наконец, к раннехристианской и античной тематике в своих стихах. Интерес В. Я. Брюсова к истории совпал по времени с обострением в его лирике чувства декаданса, настроений *fin du siècle* на рубеже веков. Он еще и еще раз обращается к теме заката Античности, смены цивилизаций, падения мировых культур.

Таким был фон появления первого исторического романа В. Я. Брюсова, опубликованного впервые в 1911–1912 гг. и посвященного ранневизантийской истории – «Алтарь победы»². Вторым романом, так и не законченным поэтом, стал «Юпитер Поверженный». Этот роман, судя по черновикам, был начат в 1914 г., вновь к нему автор приступил в 1918 г., уже после потрясений революционного года, ища в эпохе перехода от язычества к христианству ответы на исторические вопросы современности. Формально сюжеты обоих «византийских» романов В. Я. Брюсова относятся к постюлиановской эпохе: действие «Алтаря победы» протекает с осени 382 по лето 383 г., а «Юпитера» – с весны 393 по лето 394 г., но по существу решаются те же проблемы, что и названными выше авторами применительно к фигуре Юлиана Отступника.

IV в. – век перемен – В. Я. Брюсову представлялся эпохой наивысшего расцвета римской культуры. Античная языческая цивилизация пала не столько от слабости, сколько потому, что античный мир исчерпал себя, сказав все, что мог, и наступало время раскрытия новой грани человека и человечества, воплощенного в христианстве. Смена цивилизаций происходит не по «правилам» постижимой закономерности, а от неисповедимой судьбы, доступной лишь чувству, – в этом смысл слов одного из героев «Юпитера Поверженного» отца Николая. Так поэт-историк фактически отказывается от теории прогресса, развивая идею самозамкнутых цивилизаций. А итогом романа «Алтарь победы» становится неминучесть торжества христианства: «Древние боги уходят, уступая свое место на Олимпе более молодым, более деятельным, которые готовы занять золотые дома, построенные Вулканом». Как приговор звучат слова: «Крест брошен на одну чашу весов, и всего золота мира недостаточно, чтобы перевесить его!»

Однако религиозный дуализм как бы снимается образом главного героя «Юпитера Поверженного». Это бывший язычник Децим Юний,

² Брюсов В. Я. Алтарь победы // Полн. Собр. Соч. СПб., 1913. Т. 12–13.

ставший христианином, иноком Варфоломеем, от лица которого ведется повествование. Ему принадлежит и символическая для характеристики понимания В. Я. Брюсовым сути переходной эпохи формула: «Философы же понимают, что Осирис растерзанный, или Бахх страдающий, или Христос распятый – это одно и то же. Потому все религии равны между собой».

Подобные настроения и увлечения не были на рубеже XIX–XX вв. уделом лишь русской литературы и культуры. В 1896 г. в Лейпциге было впервые поставлено на сцене самое крупное драматическое произведение Генрика Ибсена (1828–1906) «Кесарь и Галилеянин», написанное несколько ранее, первая часть которого озаглавлена «Отступничество цезаря», вторая же – «Император Юлиан»³ Эта драматическая эпопея носит «всемирно-исторический», по определению автора, характер. Столкновения в истории, каковым рисуется бунт Юлиана, решившегося на восстановление утраченного, могут нивелироваться, сглаживаться, завершаться примирением. Так в конце «Императора Юлиана» рыдает, бросившись на колени, над умирающим Юлианом св. Василий Кесарийский – один из Отцов Церкви, величайший христианский проповедник. Сам же Юлиан уходит из жизни не столько побежденный, как у Д. С. Мережковского, сколько просветленный. «Мне не в чем раскаиваться. Я знаю, что применял, по мере разумения, наилучшим образом ту силу, которую мне вручили обстоятельства и которая является отражением божественной силы...» – так подводит в финале итог прожитой жизни герой драматической дилогии. Сам же Василий Великий восклицает: «Христос, Христос, где был народ твой, что не видел явного знамения твоего? Кесарь Юлиан был для нас бичом кары твоей, несшим нам с собой не смерть, но воскресение». Драматизм противостояния искупается гармонией согласия.

Вновь образ Юлиана Отступника возник в европейской литературе в самом начале Второй мировой войны. Автор книги – Жак Бенуа-Мешен (1901–1983) был известен как беллетрист, обращавшийся к самым разным историческим темам. Ему принадлежит «История германской армии» с 1918 по 1939 гг. в шести частях, он описал события фашистской оккупации Франции в 1940 г. («Шестьдесят дней, которые потрясли мир»); он писал о солдатах французской армии в Первую мировую войну, об Украине, о Мустафе Кемале и Саудах, об Африке и Марселе Прусте. Словом, об очень многом.

Его роман «Император Юлиан»⁴ – не случайный для автора сюжет. Ж. Бенуа-Мешен задумал серию из семи книг под общей идеей

³ Ибсен Г. Кесарь и Галилеянин. I. Отступничество цезаря. II. Император Юлиан. Пер. А. и Г. Ганзен// Собр. Соч. М., 1957. Т. 3.

⁴ Benoit-Méchin J. L'Empereur Julien ou le reve calciné (331–363). Paris, 1997.

«Самые долгие грезы истории», каждый из томов которой посвящен биографии той или иной исторической личности, воплощавшей определенную мечту. Так, первым в этом ряду является «Александр Великий, или мечта, обогнавшая время», затем – «Клеопатра: мечта, исчезнувшая в забытии». «Император Юлиан» – третья часть серии. Этот герой воплощает в себе «мечту обожженную». Образ заимствован из сферы ремесла древних керамистов: для придания прочности гончарному или скульптурному изделию, изготавливаемому «на века», его подвергали обжигу. По отношению к Юлиану этот образ метафоричен: император, обратившийся к культу Солнца, был им как бы и сожжен, испепелен...

Затем в серии исторических биографий Ж. Бенуа-Мешена следуют «Фридрих Гогенштауфен» («Мечта отлученная»), «Бонапарт в Египте» («Мечта неутоленная») и т. д. Последний том посвящен Лоуренсу Аравийскому и его «мечте, разбитой вдребезги». Как всякая метафора, идея всей серии, а соответственно и «Юлиана», служит одной идее и потому не может удовлетворить чаяниям читателя во всех отношениях. Идея книги о Юлиане – последняя, по мнению автора, попытка соединить исторические судьбы Востока и Запада. В этом контексте герой предстает не столько «отступником», сколько ревнителем исконных чаяний имперского сознания, ориентированного на философски и религиозно осмысленный геополитический синтез.

Император Юлиан правил всего два года. Но это мгновение в масштабах мироздания было обожжено, словно застывшая скульптура, на века, заставляя бесчисленные поколения потомков, историков и литераторов вновь и вновь обращаться к судьбе мятежного императора-философа, застывшего во времени.

Бибиков Михаил Вадимович

Доктор исторических наук, профессор
главный научный сотрудник
Институт всеобщей истории РАН
119991, Москва, Ленинский пр., 32А
e-mail: mbibikov@mail.ru

Bibikov, Mikhail Vadimovich

Doctor of Sciences (History), Professor
Main research coll.
Institute of World History of Russian
Academy of Sciences
32A, Leninsky Ave, 119991 Moscow, Russia
e-mail: mbibikov@mail.ru

Mikhail V. Bibikov

Institute of World History of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

AN EARLY BYZANTINE TOPIC IN THE TWENTIETH-CENTURY FICTION

Abstract: The article presents the comparison of the images of main heroes, of the principles of writers' characteristics, of the philosophical and historical-theoretical approaches to them in the novels and dramas at the end of nineteenth – early twentieth century. There are compared the works by Dmitrii Merezhkovsky, Valerii Brjusov, Henrik Johan Ibsen, Jacques Benoist-Méchen. The variety in approaches to the image of Emperor Julian Apostata is dictated by the complicity and contradictoriness as of the historical hero himself, so of the time of action, namely the transitional period from paganism to Christianity, from Roman to Byzantine Empire, from antiquity to early Middle Ages.

Keywords: Early Byzantine period, Julian Apostata, historical novel, the drama, transitional epoch

Submitted: 31.08.2019

Accepted: 11.10.2019

References

- Benoist-Méchen, J. *L'Empereur Julien ou le reve calciné (331–363)*. Paris, 1997.
- Brjusov, V. Ja. "Altar' pobedy." In *Polnoie sobranie sochinenii*. T. 12–13. St Petersburg, 1913.
- Ibsen, H. "Kesar' i Galileianin. I. Otstupnichestvo cezaria. II. Imperator Julian." *Sobranie sochinenii*. T. 3. Moscow, 1957.
- Merezhkovsky, D. S. "Smert' bogov (Julian Otstupnik)." In *Sobranie sochinenii*. T. 1. Moscow, 1990. S. 27–306.